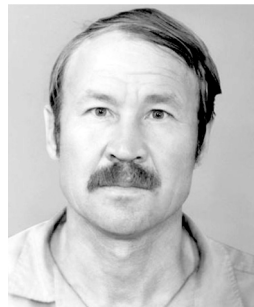


# Николай Алексеев



## РОДОМ ИЗ ПРИРТЫШЬЯ

Каждый настоящий поэт – в душе немного художник и композитор. Всё правильно – слова имеют в себе и звуки, и краски. Поэтический код Николая Алексеева открыт каждому равнодушному читателю, как бывает широко распахнута солнечному свету душа любого иртышанина. В такой поэзии не стоит искать зашифрованных смыслов. Она вся перед вами, словно росинка на стебле травы или расписной камешек на ладони. Но это вовсе не значит, что она по-своему не таинственна. Там есть и динамика, и цветопись – не вычурные, знакомые, пробуждающие, по словам классика, добрые чувства.

Николай никогда надолго не покидал родные места. Если не считать армейской службы в Туркмении. Прииртышье всю жизнь давало ему вдохновение для написания рассказов, эссе, очерков, но прежде всего – стихов. Член Союза писателей, Алексеев является автором сборников разных жанров, однако поэзия всегда стояла у него на первом месте. Он и начинал как поэт, опубликовав в областной газете «Иртыш» стихотворение «Клёны стреляют почками». Это было в середине шестидесятых годов прошлого века. Через несколько лет у молодого рабочего появился первый сборник, имевший, насколько помнится, весьма «хитрое» название, более подходящее для классика – «Новые стихи». Как будто имелись ещё и некие прежние вирши. Такой вот своеобразный стимул на будущее.

Николай сменил несколько профессий, но более всего преуспел в качестве литконсультанта межобластного отделения Союза писателей, которое тогда располагалось в Семипалатинске. Параллельно он вёл литобъединение «Иртышские огоньки». Именно там, постоянно находясь в творческой среде, Алексеев и написал свои последующие поэтические сборники – «Комсомольский проспект» и «Ледостав».

Николай большую часть жизни прожил на Красном Кордоне – в сосновом бору, а в детстве выезжал к тётке на летние каникулы. У него был творческий псевдоним Байгулов – по фамилии матери. Кровь двух братских евразийских народов, дух степного ветра, синь иртышской волны и величавость сосен и сформировали характер поэта Алексеева. К Николаю всегда можно было запросто прийти – и домой, и в кабинет. Он любил поговорить на самые разные темы, порою спорил, но никогда не держал камень за пазухой, был рад помочь, ободрить. Алексеев многому учился у своего старшего друга – поэта-фронтовика Семёна Анисимова. А ещё был щедрым. Мог



неожиданно подарить товарищу по перу какую-нибудь редкую книгу. Так у меня в библиотеке появился уникальный сборник Арсения Тарковского.

Он вёл литобъединение вплоть до развала Союза и наступления трудного времени перемен и переосмысления эпох. Вышел на пенсию и стал писать ещё больше. Приходил в одно из городских издательств, бросал на стол исписанные листочки, доставал деньги, которые выкраивал из своей очень небольшой пенсии, и уходил, чтобы через пару недель вернуться за готовой книжкой. Тираж был мизерный – полтора или два десятка экземпляров. Но это были его книги!

Он ушёл тихо, год назад. В городе стало меньше на одного настоящего поэта. Николай Алексеев владел огромным богатством, которое не измеришь никакими цифрами. У него были Родина, любимая женщина, друзья и поэтический дар. Такое дано не каждому.

*Евгений ТИТАЕВ*

## СОСНЫ

Устремились в небо бездонное  
 Ветки сосен, ввысь к облакам,  
 Провожу любовно ладонью  
 По шершавым, медным бокам,  
 Под корой неприметно бродят  
 Животворные соки не зря;  
 Среди снегов вызывающе-гордо  
 Их зеленая светит заря.

## В МУЗЕЕ ДОСТОЕВСКОГО

Нахлынуло всё вихрем на мгновенье,  
 И мысли замелькали, как стрижи,  
 Внезапные, как взглядов столкновенье,  
 Внезапные – как миг ни сторожи.

Ждал, что проступят в сгустке чувств, предметов  
 Тяжёлые и тёмные тона,  
 Искал печально – роковой приметы  
 В, казалось бы, знакомых мне стенах.

Но, заглушая нудный звон кандалный  
 И умеря плаца пыльный зной,  
 Вдруг стены, вздрогнув, медленно раздались,  
 Край неба ослепил голубизной.

И по ступенькам, узким и скрипучим,  
 Вошел в меня лучистый добрый день.  
 Не умереть – а жить хотел я жгуче,  
 И возвышать, и воскрешать людей.

## УБЕЖАВШИЙ ЗАКАТ

На лыжах по снегу б побегать –  
Как пух, некрепнувший наст.  
Ждём: сбросит затейница-белка  
Горсть шишек вдруг с веток на нас.  
Тишь. Виснет белесая роздымь,  
И гаснет ослабнувший луч.  
Настоян на хвое морозной,  
Как ветки, и воздух колюч!  
Вот спряталось солнце за склоном.  
Всё в сумерках. Я им не рад.  
Скорее. На лыжи. Догоним  
От нас убежавший закат.

## ПОРА

Пора понять отца и мать,  
Заботы их взвалить на плечи,  
Привычки юности сломать,  
Забыть запальчивые речи,  
Без нетерпенья ждать субботы,  
И научиться делом жить.  
Спаси, спаси меня, работа,  
От расслабления и лжи!  
Мне б перенять у стариков  
Привычку вечно жить в работе.  
В чернорабочей их заботе  
Есть темы для больших стихов!

\* \* \*

Клокастый дым всё выше и незримей;  
И мне бы ввысь, как этот серый дым.  
Икары – мы, но крыльями другими  
Вселенские просторы бороздим.  
Не мудрость осторожную Дедала –  
Мы горсть земли возьмём с собой в маршрут:  
Убьют земные запахи усталость  
И в трудный час нам мужество дадут.

\* \* \*

Всю ночь скрипели ставни глухо,  
Дождь то стихал, то саганел,  
Гром отдаленный где-то ухнул,  
И лампочка мигнула мне.

А утром, и в окно не глянув,  
Почувствовал, что выпал снег;  
Сосульки отливали глянцем,  
Иртыш был полосат и пег.  
И с одинокого парома  
За потемневшею рекой  
Махала, распрощавшись с домом,  
Кому-то девушка рукой.

\* \* \*

Пырей. Желтняк. Краснокорёнка.  
Отец твердил: запоминай,  
Чем наша кормится Бурёнка,  
Когда приходит месяц май...  
Траву топчу беспечно в мае,  
Внимаю птичьим голосам,  
Их языка не понимаю,  
Названья трав не вспомню сам...

#### БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ БАРАКЕ

На барак приземистый, робкий,  
Надвигались шагом широким  
Крутоплечие и глазастые  
Те дома, что и солнце застыят.  
Свысока косились соседи,  
И пришёл его час последний...  
Вдруг зловещая и огромная  
Заплясала над ним изломанно  
Тень горбатого великана,  
Дважды вздрогнула стрелка крана,  
С крыш метнулись испуганно галки,  
Затрещали стропила и балки;  
Видно, лязгом железным контуженный,  
Он вздохнул тяжело и натужно.  
И в пейзаж вдруг врезался грубо  
Ветхий остов тёмного сруба;  
Над кварталом всё плыли и плыли  
Облака тёмно-бурой пыли.

